

Чтобы увидеть звезды, надо открыть глаза

Слепые
по Брейгелю

Роман

В Е Р А
КОЛОЧКОВА

Вера Александровна Колочкова

Слепые по Брейгелю

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6706572

Колочкова В. Слепые по Брейгелю : роман : Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71716-3

Аннотация

Жизнь уже давно казалась Маше стабильной и нерушимой. Неумение быть самостоятельной сглаживалось добротой и покладистостью мужа. Саша всегда был для нее этаким поводырем, проводником по жизни. Тем большее стало для нее известие о решении супруга расстаться. Еще большее – узнать о том, что разлучница – женщина уверенная в себе, успешная и состоятельная. Сможет ли Мария избавиться от своих страхов и душевной слепоты?.. Сумеет ли взглянуть на жизнь широко распахнутыми глазами и в конце концов стать той, которую не бросают?

Вера Колочкова

Слепые по Брейгелю

© Колочкова В., текст, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

В самолете они не разговаривали. Сидели рядом, в соседних креслах, изнывали молчаливой натугой. Дурацкая ситуация, конечно. Молчание – мука мученическая. Казалось, оно даже материальное устройство имеет, омерзительное на ощупь, холодно студенистое. Причем Вика переносила молчание куда хуже, она это кожей чувствовала. Да что там кожей – всем насмерть перепуганным, впавшим в состояние ступора организмом. Но заставить себя повернуть голову, заговорить о пустяках – не могла, хоть убей... Тем более Вика прикинулась крепко спящей, даже посапывала и похрапывала слегка. Старалась, бедная. Тоже, нашла выход из положения – удариться в театральщину. Кишка тонка даже для такого бездарного спектакля.

Нет, вообще-то спасибо ей, конечно. Да, так лучше. Пусть «спит». Было бы хуже, если бы сидела в своем кресле и тарщилась на нее с немым вопросом в глазах – как ты, Машенька? Чем тебе помочь, дорогая подруга? Любимая, единственная? Еще бы и вздыхала при этом, и губы поджимала в горестной озабоченности. Причем совершенно искренне бы все это предельвала, без дураков...

А только от этого не легче, что без дураков! Пусть уж лучше с дураками...

А впрочем, какая разница? Ситуации позора (нет, а как еще назвать то, что случилось?) это все равно не отменяет. И свидетели позора никому не нужны, хоть с дураками, хоть без дураков. Свидетели счастья – это да. Потому что свидетелям счастья даже зависть прощаешь. Хоть никто и не признается никогда, что втайне закусывает вино собственного счастья чужой завистью. Пусть и не настоящей, а белой и пушистой, как Викина. Очень ведь легко выдать эту белую и пушистую за благо привязанности к чужой семье... Вот Вика и выдает, сама себя обманывает. И всех эта нежная дружба-привязанность устраивает – и Сашу, и ее, и саму Вику. Вернее, устраивала...

А с другой стороны – зря она к бедной Вике привязалась. Нашла в кого своим ужасом плюнуть. Чем больше его выплевываешь, тем больше он внутри разрастается, как на дрожжах. Ужас-мутант. Ужас – атомный гриб. Ужас-убийца, змея-анаконда. Вот, опять подкрался к желудку, пополз вверх тошнотой.

Нервно сглотнула, зубы сжались намертво, будто прикоснулась к оголенному проводу. Не выдержала, закрыла глаза, простонала тихо. Стон получился жалобный, Вика напряглась, замерла «во сне». Медленно приоткрыла веки, чуть повернула к ней лохматую голову:

– Маш, ты чего?

– Ничего. Спи.

– Тебе плохо, да? Может, пакетик у стюардессы попросить?

– Нет. Не надо.

– Ну, не надо так не надо... – Вздохнула, вытянула шею, всмотрелась вдаль. И снова проговорила голосом терпеливой матушки, убаживающей капризное дитя: – Маш, а там еду скоро начнут раздавать... Будешь? Вроде мясом аппетитно пахнет...

– Нет!

– А почему, Маш?

– Потому что меня тошнит.

– Ну, вот... А говоришь, пакетик не нужен... – вздохнула

Вика.

Зануда. Какая же Вика зануда! Окутывает навязчивой заботой, как пыльным и душным покрывалом, не продохнуть... Наверное, и впрямь себя святой мученицей представляет. Инфантильный ребенок Машенька капризничает, а ей, бедолаге, ничего, кроме молчаливого терпения, не остается!.. Вон как глянула – с грустным смирением. Мать Тереза, ни больше, ни меньше. А ведь точно – так себя и представляет! Иначе не взяла бы на себя такую ужасную миссию! Миссионерка, черт бы тебя побрал... Даже думать противно, и разговор про «пакетик» поддерживать противно. Лучше к окну отвернуться. Да, вот так. У тебя миссия, а у меня демонстрация обиженной инфантильности. И отстань, и не

лезь... Выполнила миссию и радуйся...

За окном было неинтересно. Белая облачная пустыня, рыхлая, как залежавшийся к марту снег. Никакого просвета. И все равно – лучше в окно смотреть, чем на Вику. И думать... Думать, наконец! Не корчиться от страха, не горестно изумляться, а думать! Думать, как дальше жить. Если все это правда, конечно. Если Вика ничего не напутала. Если Саша действительно так подло придумал... С этим отпуском в Испанию...

Нет, лучше пока не думать. Лучше встретиться с ним, поговорить с глазу на глаз. Ну не мог он так, не мог, и все! Да, надо сначала до дома добраться... Хотя Вика сказала, что нет его уже дома. Чемоданы собрал, ушел. К другой женщине ушел. А ее в Испанию отправил. Зачем? Чтобы чемодан собирать не мешала? Шикарный отпуск, отель четыре звезды... Море, экскурсии, Барселона. Отдыхай, жена, набирайся сил перед возвращением в пустую квартиру! Ох-х... Опять сердце болью зашло. Да, в пустую квартиру...

Боже, как она раньше любила возвращаться домой из отпуска! Хоть откуда, неважно! Хоть из Турции, хоть из Бердянска от Викиной двоюродной сестры! Не зря говорят, что нормальный человек дважды за отпуск бывает счастлив... Когда уезжает из дома, а потом – когда возвращается домой. И это еще поспорить можно, какое из двух счастья сильнее. Наверное, второе, до краев наполненное предвкушением дома. Своей ванной комнаты, своей родной постели. Сво-

ей чайной кружки, своего места за кухонным столом. Да мало ли всяких уютностей в собственной крепости, где чувствуешь себя, как на родине? И неважно, что эта крепость – всего лишь скромная двушка в спальном районе! Все равно – родина!

Сейчас возвращаться – страшно. Потому что и впрямь душенька дрожит и не верит, а еще – испуганно изумляется. Как же так-то? Куда возвращаться, если родины больше нет? Вместо родины – одинокое и горестное бабье жильё. Раздражающее бормотание телевизора. Кухонная неприкаянность, когда обед приготовить некому. Вместо привычной беззаботности – страх перед жизнью. Да она даже ночевать одна боится, чего уж там! Заснуть от страха не может! И Саша это знает, прекрасно знает! Она ж без него – никто и ничто... Былинка на ветру, ломкая, хрупкая, безжизненная. Нет, он не мог, не мог! Что-то тут не складывается... Надо вспомнить, как все это было...

Вздохнула болезненно, коротко, откинулась голову на спинку сиденья, закрыла глаза. И даже с закрытыми глазами почувствовала – Вика в лицо смотрит.

Ладно, смотри, не до тебя сейчас. Надо обязательно вспомнить, как... С этой Испанией...

Кажется, это было накануне Восьмого марта. Да, точно, выходной был. Славка с Максимом пришли, Саша им денег дал, как обычно. Максим поблагодарил – тоже как обычно. А Славка – нет, Славка приняла как должное. Молча взяла,

молча сунула в кармашек сумки. Еще и поморщилась при этом, будто ее заставили сделать что-то неприятное. Потом ребята ушли... А она принялась посуду мыть после обеда. И вдруг засиховала, зафыркала, поддавшись невесть откуда налетевшему раздражению:

– Ну, вообще... Вырастили доченьку... Это уж ни в какие ворота...

– Ты о чем, Маш? – спросил Саша, выщелкнув окурок в открытую кухонную форточку.

– Они же обещали никого не напрягать, когда ипотеку брали! Помнишь, как Славка заявила гордо – я сама знаю, что делаю? Без вашей помощи обойдусь? А теперь что получается? Половину взноса у нас берут, половину – у родителей Максима? Это что получается, мы до пенсии их содержать будем? Пока они ипотеку не выплатят?

– Маш... Ты это серьезно? – поднял Саша на нее печальные глаза. – Это же наша с тобой дочь, мы обязаны ей помогать.

– Да я понимаю, Саш... Да, помогать, но не до такой степени наглости! Славка, между прочим, больше тебя зарабатывает! Я уж про Макса не говорю! Да у них денег – куры не клюют! А мы последнее отдаем!

– Но... Их тоже надо понять, Машенька. Молодая семья, все такое... Им же всего хочется, потребности-то другие, чем у нас. Это нам с тобой ничего не надо. А им... И одеться, и в клуб сходить... – заметил Саша.

– А чего ты за меня решаешь, что мне надо, чего не надо? Ты меня спросил, чего я хочу?

– По-моему, я всю жизнь только этим и занимаюсь... Делаю то, что ты хочешь. Вернее, стараюсь удовлетворять все твои желания, – сказал Саша.

– Так уж и все? Можно подумать...

– Ну, не все. Прости, что не все, – уточнил он. – Но что от меня зависит... По мере сил, как могу, как умею. Выше самого себя не прыгнешь, ты же знаешь... Как ни пытайся, все равно не прыгнешь...

Так, стоп. Стоп! Как-то очень уж грустно Саша тогда все это произнес. И в глаза глянул с тоской. Очень уставшие у него глаза были. Печальные. Отчаянные. Будто просил чего. Сочувствия, что ли? Да, вполне может быть. А она не поняла... И Вика тоже пыталась... что-то такое ей объяснить. Нет, не увидела тогда, не поняла, будто глаза застило. Опять накинута на него с раздражением:

– Вот именно – выше самого себя не прыгнешь! А ты все время прыгнуть пытаешься, последнее доченьке отдаешь! Причем взрослой и самостоятельной доченьке, заметь... Нет, мне-то что, я не против, конечно. В конце концов, я мать, я люблю свою дочь нисколько не меньше, чем ты... Но, Саш. Все же должно быть... разумно как-то. Вменяемо. Разве я не права, скажи?

Бац – тарелка выскользнула из ее мокрых рук, раскололась со звоном, фарфоровые брызги порскнули по линоле-

уму. Саша присел, осторожно-испуганно провел пальцами по ее лодыжке:

– Не поранилась, нет?

– Да ну... – Она раздраженно переступила ногами, отбрасывая от себя осколки. И его пальцы заодно отбросила.

Не вставая с корточек, он глянул на нее снизу вверх:

– погоди, сейчас йод принесу. Надо обработать на всякий случай.

– Да какой йод! Иди лучше, веник с совком принеси. Уберешь?

– Уберу.

– Так убирай, чего сидишь?

Вопрос прозвучал слишком уж раздраженно, и сама почувствовала, что перебрала. Не хотела, само получилось. Он молча поднялся, встал рядом, глянул с грустным недоумением. Потом вздохнул, чуть-чуть мотнул головой из стороны в сторону, отвел глаза, будто ждал, когда отхлынет волна раздражения. Она и отхлынула странным образом. Как-то вдруг. Будто Сашино грустное недоумение было тем самым глотком валерьянки, необходимым для обретения спокойствия.

– Тарелку жалко, Саш... Она из сервиза была.

– Ну и черт с ней, с тарелкой, – сказал Саша.

– Ага! Еще скажи – завтра новый сервиз купим! Давай, пообещай, ты же у нас все можешь! – И сама себе удивилась – да что это с ней? Только успокоилась, и опять... Что за

качели такие? Может, и впрямь пора успокоительное принимать?

– Маш... Что с тобой сегодня? Ты чем-то расстроена? Чего ты от меня хочешь, не пойму?

– Я хочу?! Да я давно уже ничего не хочу! И вообще... Мне никогда ничего особо от тебя и не нужно было, кроме покоя и относительного чувства беззаботности! Повторяю – относительного! Потому что я любую озабоченность воспринимаю как преувеличение, ты же знаешь свойство моей психики!

– Да, Маш, знаю, – вздохнул Саша.

– А чего ты так отвечаешь?

– Как? – спросил он.

– Ну... Как будто тебя обрекают на что-то. Разве я не права? Разве мне много материального от жизни нужно? Что я, например, каждый сезон шубу новую требую, как наша Фатьянова из финансового отдела? Ничего ведь подобного... Вон, уже два года отпуск на Викиных шести сотках провожу... Так что не говори про свою меру сил, не надо! То есть относительно меня – не говори!

Саша ответил не сразу. Принес из коридора совок, сел на корточки, медленно собрал в него осколки. Потом поднялся, с трудом разогнул спину, спросил тихо, не глядя на нее:

– Значит, ты в отпуск хочешь поехать?

– Да, хочу! Да только чего зря об этом говорить...

– А куда ты хочешь поехать в отпуск?

– Ты что меня, дразнишь, что ли?

– Нет. Давай купим тебе тур куда захочешь.

– Тебе? Ты сказал – тебе? Хм, как странно... Ты же прекрасно знаешь, что одна я никуда не поеду. Я не умею ездить одна... Уже в аэропорту потеряюсь, как малый ребенок. Я ж не виновата, что меня все время надо кому-то за руку вести...

– Да. Я знаю. Я помню. Это свойство твоей психики.

Стоп, стоп... Да, точно, и этого она тоже не заметила, каким тоном он произнес – свойство психики... Скользнула непривычная нотка в интонации, странная такая. Будто немного злобная. Или насмешливая. А может, все вместе – злобно-насмешливая. Не заметила! Потому как он тут же огорошил предложением:

– А ты Вику с собой возьми! По-моему, она с удовольствием тебе компанию составит.

– Да ну... Лучше с тобой...

– Я понимаю, но на двоих точно не потянем. И без того придется пояса подтянуть... А Вика, насколько я знаю, давно мечтает в Испанию съездить. Хочешь в Испанию, Маш? Где-нибудь в конце мая? Или в начале июня? Когда у тебя отпуск? – спросил Саша.

– Ну... По графику как раз в июне...

– Значит, тем более. Так хочешь?

– Саш, я не понимаю... Ты это серьезно?

– Вполне. Тебе надо отдохнуть, сил набраться. Давай, иди,

звони Вике. У нее, по-моему, какая-то знакомая в приличной турфирме есть.

– Ну... хорошо. Как скажешь.

– Ага... – кивнул Саша.

Почему, почему она тогда подвоха не почувствовала? Хотя, может, и не было никакого подвоха, не созрел еще. Может, потом созрел. А тогда... Привычная мужнина забота, только и всего. Привычная его доброта, покладистость. Привычная, как вся ее семейная жизнь, тихо происходящая за мужниной спиной, как за каменной стеной. Хотя насчет каменной – громко сказано, конечно же. Каменная стена – это что-то совсем непробиваемое, а значит, некомфортное. Можно и простой стеной вполне довольствоваться. Относительно нерушимой.

Да, так и казалось – нерушимой. Она уверена была, что нерушимой! Потому и позволяла себе... не сдерживаться. А что делать – так ее натура слабонервная устроена. И не виновата она в той слабонервности... Да, бывают перепады настроения. А на кого еще свое плохое настроение выплескивать, если не на самого близкого? На того, который любит, понимает, автоматом прощает? Да и не перебарщивала она с выплесками, если по большому счету... Так, поворчит иногда. Или съязвит немного. Или покапризничает. У других, вон, хуже бывает...

Хотя, наверное, дело не в этих выплесках. Саша у нее вообще не обидчивый. Скорее всего, все по писаному сцена-

рию глупого сериала произошло. Как там у них, в сериалах? Бац, и добропорядочный муж другую себе нашел! Или, как вариация, она его нашла. Молодая, красивая, шустрая. Против коварной женской молодости противоядия нет, как против лома нет приема. А ее он просто разлюбил... Не мог же он любить ее вечно. Вечного вообще ничего не бывает. Но, с другой стороны, – совесть-то должна быть! Если позиционируешь себя таким любящим, таким терпеливым, таким порядочным... Научил верить себе, а потом – как топором по темечку? Но так же нельзя, нельзя! Это же несправедливо, бесчеловечно по отношению к ней!

Да, смешно со стороны звучит, если ее мысли подслушать. Да, мысли вполне себе инфантильные – ты должен меня любить, ты обязан меня любить, потому что мне без тебя жить трудно! Потому что сам взял на себя роль поводыря! Потому что знаешь – твоя жена устроена, как слепая! Всего боится, внутренне дрожит, ничего не умеет ни сделать, ни решить самостоятельно! Это ведь не радость такая, а наказание божье – инфантилизм испуганной женщины... Да еще с некоторой склонностью к аутизму...

Да, смешно. Так смешно, что заплакать хочется. Пусть от пресловутой жалости к себе – тем не менее. Хорошо, что Вика на нее сейчас не смотрит, увлеклась беседой с соседкой по третьему креслу. Ага, впечатлениями об Испании делятся...

И она бы сейчас ими делилась до умопомрачения, с той же Викой. Все же было чудесно – слов нет. И экскурсия в

Барселону, и музей Сальвадора Дали, и поездка на юг Франции в чудесный городок Каркассон... А как съездили в монастырь Монсеррат – это же отдельная была песня! Четыре часа простояли в очереди к священной фигурке, чтобы прикоснуться, попросить исполнения сокровенного... Странно, а она сейчас и не помнит, о чем просила, что было в тот момент самое сокровенное. Наверное, ерунда какая-нибудь. Да если б знать, о чем надо было просить!

Да и вообще, ей сразу как-то голову снесло, закружило. Чудесная страна Испания, всего здесь много – моря, солнца, впечатлений, удачный шопинг опять же, что немаловажно. Расслабляйся – не хочу! Все, все было замечательно, пока не устроили себе этот дурацкий прощальный ужин... Не в полном смысле ужин, конечно, потому как ужин в отеле полагался. Так, посиделки с выходом. Она нарядилась в новое платье, накрасилась, ужасно сама себе понравилась. Так увлеклась, даже внимания не обратила на Викино подавленное настроение. Сели в уличном кафе, заказали испанского вина. Тут Вика ей по голове и шарахнула...

Нет, сначала долго мылилась, конечно. Наверное, не знала, как приступить к самому главному, то бишь к самому подлому. Измучилась, бедная. Понятно, отчего не в себе была... И не только в этот последний вечер, а весь отпуск, считай. Слишком задумчивая ходила, сама на себя была не похожа.

Вика, Вика, подруга дорогая, самая преданная, самая вер-

ная, что ж ты на себя такой груз-то взвалила? Только не объясняй, что любишь одинаково и меня, и Сашу. Что собственной личной жизни нет, что дружишь не с кем-то отдельно, а с нашей семьей. Что Славка тебе как дочь, а Саша – как брат. А я... А кто тебе, собственно, я? В самом деле подруга? Или капризная младшая сестренка, которой нянька нужна? Ты ведь даже с Сашей все время разговаривала так, будто вы оба взрослые, а я ребенок. Переглядывались в моем присутствии насмешливо, как переглядываются любящие свое нервное чадо родители... Вроде того – дитя не в духе, будь с ним поосторожнее. А потом ты, Вика, еще и спрашивала Сашу, как взрослый спрашивает взрослого, чуть качнув головой в мою сторону:

– И что это с нами, а? Опять капризничаем?

– Не... Просто голова болит... – отвечал тебе мой муж в той же снисходительной тональности, помнишь? Почти интимной тональности.

– А... Ну, это уже легче... Что голова – завяжи да лежи. Пройдет, Саш.

И улыбались оба. Тоже – почти интимно. Брат брата всегда поймет. Тем более если они любят это надоедливо-капризное существо с вечно плохим настроением. Так они про ее настроение думали, что оно «вечно плохое». А ведь не было, по сути, никакого плохого настроения! Была просто внутренняя задумчивость, уход в себя! Не понимали, не понимали... Да она и не претендовала на их понимание. Ей и без

понимания хорошо жилось. Самой в себе. Туда, вовнутрь, не лезут, и ладно.

Так уж получилось, что она сама Вику к этому разговору подтолкнула. Выпила вина, огляделась кругом, вздохнула счастливо – Испания, блин! Красота! Уезжать совсем неохота... И озаботилась вдруг, полезла в сумку за телефоном. Глянула на дисплей – опять пусто. Кликнула Сашин номер, и голос в телефоне выдал уже привычное за эти дни – «абонент отключил телефон...».

– Хм... Представляешь, Вик, Саша мне даже не позвонил ни разу... Странно, правда? И на мои звонки не отвечает. Я уже беспокоюсь, может, случилось что? И Славка тоже молчит, как партизан...

– Зато мне звонят все время... И Саша твой... И Славка третьего дня... – вымучила из себя Вика, будто в холодную воду бросилась.

– Тебе?! Не поняла... Зачем? То есть... Почему – тебе? А мне?

– Ох, Машунь... погоди, с духом соберусь...

Некрасивое Викино лицо стекло вниз, лоб и виски покрылись капельками испарины. Ладонь поднялась было ко лбу, но снова безвольно опустилась на скатерть, дрожащие пальцы оплели бокал с недопитым вином.

Она сидела, не понимала ничего. Даже улыбалась механически. Вот Вика припала губами к бокалу, сделала большой глоток. Еще, еще... Кадык дернулся на короткой шее, обна-

жилая бледная, не сумевшая загореть полоска под тяжелым подбородком. Ну же...

– Вик, да что случилось?! С ними что-то случилось, да? С Сашей, со Славкой? – спросила и сама испугалась. Захотелось ударить себя по губам... Так ведь и накаркать беду можно!

– Да ничего с ними не случилось, Машунь. Живы-здоровы.

– А... чего тогда? Почему они мне не звонят, а тебе звонят?

– Дело в том, Машунь, что... Фу, господи, язык не поворачивается... – вздохнула подруга.

– Вика?! Ну?

– Дело в том... В общем, Саша меня попросил... Вернее, поручил мне... Подготовить тебя... А я не подготовила, не смогла... Не умею я...

– Да к чему, к чему подготовить-то?

– А, ладно. В общем, он ушел от тебя, Маш. Когда приедешь, его уже дома не будет. Вот так вот...

– Погоди, я не поняла. То есть как это – ушел? Куда – ушел?

– А ты сама не догадываешься, что ли?

– Нет...

– Ну, куда обычно мужики из семей уходят?

– А... куда?

– Ладно, посиди немного... Приди в себя, перевари, об-

думай. У тебя просто шок, Маш, я понимаю.

– Да какой шок, нет у меня никакого шока! Ты что, разыграть меня решила, да? Знаешь, не смешно... Нисколько не смешно! Это только представить, чтобы мой Саша...

– И тем не менее это так, Маш. Придется тебе это принять. Да, он просил меня... Ну, в общем... Поговорить. Уже перед фактом поставить.

– Хм... А почему – тебя?

– А кого еще, Маш? Я ж тебе самый близкий человек после Саши. Ой, то есть я хотела сказать... Теперь так вообще самый близкий, получается...

– Да нет! Я не то имею в виду! Он что, сам не мог мне сказать?

– Не мог, Маш, в том-то и дело. Побоялся сломаться. Ты же сразу истерику закатаешь, заплачешь, обвинять начнешь, пристыживать! А так... Случилось и случилось де-факто. Истерику закатывать некому. А когда ты примешь, успокоишься немного, тогда он тебе все объяснит. А может, к тому времени уже и не потребуется никаких объяснений, мало ли, как жизнь повернет.

– Как? Как жизнь повернет? Я умру, что ли?

– Ой, Маш... Ну что ты, ей-богу! Я же не то имела в виду...

– А я как раз то. Он же знает, что я без него не выживу. Как он мог, Вик? Это... Это жестоко, если это правда, конечно. Это убийственно жестоко по отношению ко мне.

– Да, это жестоко, согласна. Но с другой стороны, Маш...

Ты тоже постарайся его понять...

– Замолчи, Вик! Не надо, не говори больше ничего!

– Ну, Маш... Глотни вина, успокойся. Ну рассуди сама, ничего же страшного не произошло!

– Что?! Ничего страшного? Да меня же убили, Вик... И ты говоришь – ничего страшного?! Молчи, молчи, пожалуйста, не говори больше ничего!

Неловко дернула рукой, будто отмахиваясь от Вики, бокал опрокинулся, вино пролилось на скатерть. Прежде чем впитаться в ткань, потекло ручейком. Красиво – красное на белом, взгляд притягивает. Как кровь на снегу.

– Ну, началось... – печально констатировала Вика, набрасывая на красную струйку салфетку. – Я ж говорю тебе – успокойся...

– Вик, знаешь, ты кто? Ты подлая мерзкая тварь.

– Да, Маш.

– Ты все знала, все! И рассказала мне только сейчас! А я веселилась, в море купалась, по магазинам бегала, шмотья накупила!

– И хорошо, что бегала. Зачем бы я заранее-то? Чтоб ты десять дней подряд с ума сходила?

– Да я бы... я бы домой улетела!

– Ага! На чем? Частный чартерный рейс под себя бы подогнала?

– Ты сволочь, Вик... Подлая мерзкая сволочь.

– Да...

– Я тебя ненавижу. Не разговаривай со мной больше. По-няла?

Встала со стула, качнулась на каблуках. Дурацкое длинное платье, на подол бы не наступить. Так, в какой стороне гостиница? Кажется, там... Ох, как голову повело, до полной дезориентации в пространстве. И дышать трудно, воздуху не хватает.

– Ты куда, Маш? погоди, я рассчитаюсь... – засуетилась, вставая из-за стола, Вика.

Как подошел официант, она уже не видела. Медленно несла себя меж столиками, придерживая подол платья. Потом ощутила Викину ладонь у себя на локте, виноватый голос над ухом:

– Что, в отель? Или тебе лучше на свежем воздухе?

– Отстань... Не разговаривай со мной, пожалуйста. Я же попросила тебя. Что, так трудно?

– Хорошо, Маш, не буду... Как скажешь. Если тебе так легче...

В отеле долго стояла под душем, не ощущая тела. Отнялось, наверное. Атрофировалось. Теплые капли стекали по лицу, по плечам, а она не чувствовала. Сделала воду погорячей – не чувствовала. Холодной – тоже. Страшновато как-то. Может, уже умерла? И вздрогнула от стука в дверь.

– Маш, хватит, выходи! Давай лучше поговорим... Ну, Маш! Жизнь-то на этом не закончилась, чего ты! Выходи, я

боюсь... Хочешь, чтобы я дверь взломала, да?

Пронеслось эхом в голове – а ведь и впрямь... С ее мощными габаритами дверь взломать – раз плюнуть.

– Со мной все в порядке, Вик, оставь меня в покое...

– Маш, нам в аэропорт рано утром! А у тебя еще вещи не собраны! И вообще, я в туалет хочу, открой дверь!

Да, она права, вещи не собраны. Надо выходить. Не оставаться же здесь, в Испании. Хотя, если бы можно было...

Выключила воду, ступила через край ванны, отряхнулась от воды, как собака. Глянула на себя в зеркало... А лица нет. Лицо тоже атрофировалось, умерло. Зато в глазах жуткая паника, зайцы скачут. Где-то она читала про этих зайцев... Ах, как точно сказано. Скачут и скачут. И несть им числа.

Окрутила себя полотенцем, щелкнула замком, приоткрыла дверь. Вика стояла у стены, зажав рот ладонями. В глазах – испуг и сочувствие. У нее, значит, зайцы, а у Вики – сочувствие к ее зайцам. Полная дружеская гармония, от которой хочется волком выть.

– Маш, прости меня...

– Отстань, Вика. Дай пройти.

– Тебе плохо, да? Может, поплачешь? Что ж ты никак не заплачешь-то... А я думала... Как-то странно даже.

– Странно? Почему же странно? Хотя – да... Действительно, странно. Я, Вик, не чувствую ничего. Вообще – ничего. Наверное, потому, что не верю. То, что ты мне сказала... Этого не может быть, Вика.

– Но ведь это правда, Маш! Самое ужасное, что это правда! Это плохо, что ты зациклилась... Давай уж лучше сейчас! Давай поговорим, Маш!

– Ой, ради бога! Не надо ничего, прошу тебя! Давай лучше помолчим, ладно?

– Ты уверена?

– Хм... Хороший вопрос. Особенно хорошо про мою уверенность спрашивать, да, после всего, что я узнала. Просто отличный вопрос, Вика.

– Не злись, Маш.

– Я не злюсь. Но давай лучше будем молчать! Я... Я не могу тебя видеть после всего, как ты не понимаешь?

– Да, да... Прости. Прости, больше не буду...

Так и молчали остаток вечера. Молча легли, мучились обе без сна, пока не заверещал будильник в Викином мобильном. Поднялись с кровати одновременно, Вика спросила трусливо:

– Машунь... Ты первая в душ?

– Мне без разницы, – бросила зло, сквозь зубы.

– Ага, ага... Ладно, тогда я первая...

На секунду стало жалко ее, но тут же порыв угас, придавленный поселившимся внутри ужасом. Успел-таки внутри поселиться, устроиться с комфортом, пока лежала, мучилась без сна. Теперь свои условия диктовать начнет, это понятно. И не надо лишний раз беспокоить это скользкое холодное чудовище под названием ужас, иначе оно разрастет-

ся внутри и не позволит дышать... А надо еще до аэропорта доехать. Надо домой прилететь. Надо с Сашей поговорить, посмотреть ему в глаза...

Почему-то ей казалось, что этого будет достаточно – посмотреть Саше в глаза. Она так... Так посмотрит... Что он все сразу поймет. Даже без слов. И все автоматически станет неправдой, просто дурным сном, Викиным помешательством от перегрева на испанском солнце. А что, бывает же...

Пока Вика плескалась под душем, еще раз кликнула Сашин номер, с бухающей сердечной болью вслушалась в длинные гудки. Ну же! Возьми трубку! Саша! Родной мой! И, как оплеуха, мерзкий автоматический голос в ухо: «...В настоящее время абонент не может ответить на ваш звонок...»

Ужас шевельнулся внутри, и пришлось втягивать в себя воздух медленно, через боль, опоясавшую ребра. Тихо, тихо... Что-то она еще хотела сделать, когда не могла заснуть ночью. Да, вспомнила! Хотела заглянуть в Викин телефон... А вдруг она и в самом деле врет, что Саша звонил?

Где, где ее телефон... Ага, на тумбочке. Так, посмотрим последние вызовы...

Да, звонил. В первые дни – особенно часто. И Славка звонила. Последний вызов – позавчера. То-то Вика подхватывалась испуганно с телефоном, отбегала в сторонку. А она – ни сном ни духом... Мало ли кто может Вике звонить...

Тихо, сердце, тихо. Не дрожи. Да, понимаю, страшно тебе. Ничего, сейчас душ приму, в аэропорт поедem. Тихо...

Так же молча ехали в автобусе до аэропорта, молча стояли битый час у стойки регистрации. Когда подошла их очередь, закопошилась неловко, пытаясь поднять чемодан на весы, и Вика, конечно же, бросилась помогать, но не снисходительно, как всегда, а с виновато-суетливой поспешностью.

– Да не надо... Я сама... – бросила ей раздраженно сквозь зубы. И напряглась от натуги, даже в животе что-то оборвалось неприятно. И непривычно было – самой, без помощи...

Вика послушно отступила, глядела страдальчески, как она корячится с чемоданом. А в самолете сразу, как уселись на свои места, прикинулась спящей. Наверное, ей так легче. И сейчас тоже прикинулась, вдоволь наговорившись с соседкой по креслу. Общительная ты наша... Ни секунды без коммуникативной энергии прожить не можешь, да?

Хотя, похоже, на сей раз уснула по-настоящему... Действительно, чего ей не спать-то? Никаких проблем в жизни нет. Ни мужа отродясь не было, ни детей. Железобетонная баба. Не подруга, а нянька-охранник. Саша, кстати, говорил, что ей именно такая подруга и нужна... Подруга-поводырь. Поскольку муж-поводырь, то и подруга пусть будет поводырь. Да, так и говорил...

Хорошо. Если ты так считаешь, дорогой мой, чего ж тогда... Как же я без мужа-поводыря-то? Это ж до первой ямы... Свалюсь в нее, шею сломаю, погибну, на твоей совести будет. А ты очень совестливый, мне ли не знать... Опора ты моя, каменная стена. Поводырь мой бесценный. Куда ж я

без тебя?! Нет, все-таки Вика наверняка чего-то не поняла. Что-то здесь не так. Пазл не складывается.

Фу, как едой тошнотворно запахло... Точно, уже подвлокли свою телегу две хорошенькие стюардессы, надо Вику будить. Она большая любительница пожрать при любой погоде, даже такой тяжело психологической, как у них на данный момент сложилась. Дотронулась до ее предплечья, потрясла слегка. Вика коротко всхрипнула, потом вскинулась:

– А? Что?

– Просыпайся. Еду дают.

– А... Спасибо, Машунь. А что дают из мясного? Говядину или курицу?

– Откуда я знаю? Мне все равно, я не буду есть. Можешь, кстати, мою порцию взять.

– Как это не будешь? Надо поесть, что ты... Вон, бледненькая какая...

Нет, вы посмотрите на нее! Бледненькая! А надо, чтобы она в этих обстоятельствах румяненькая была? Смешно... И вдруг, неожиданно для себя, огорошила Вику вопросом:

– Слушай... А когда он это все задумал, ты знаешь?

– Не поняла, Машунь... – моргнула Вика, испуганно вжавшись затылком в кресло. – Ты о чем сейчас?

– Ну... Давно Саша это решение принял? И поездку в Испанию... Специально к своему решению подогнал, да? Чтобы я уехала и ему не мешала?

– Ой, не знаю, Машунь... Мне кажется, нет. Нет, с Испа-

нией – это случайно вышло. Мы ж путевки-то когда покупали, в марте еще! А потом оно получилось – как раз под руку... Чтобы и ему спокойно уйти, и тебя не нервировать...

– Господи... Не нервировать... Что ты несешь, Вик? А может, ты не поняла чего, а? Может, перепутала что-то? Он точно с тобой говорил на эту тему?

– Маш... Но я же не совсем идиотка, правда? В сотый раз тебя объясняю – говорил, да!

– Ладно, поняла, не ори.

– А я ору? Бог с тобой, да я и шепотом-то боюсь... Чувствую себя полной идиоткой. Думаешь, я не переживаю, да? Думаешь, мне тебя не жалко? Да если б я могла хоть чем-то помочь! Но ты ведь и разговаривать со мной не хочешь!

– Да, не хочу.

– И все равно, Маш... Это надо принять как-то. Он ведь даже в аэропорт не приедет. Славка приедет, а Саша – нет.

– Это чтобы меня не нервировать, да?

– Да, если хочешь.

– Глупо... Жестоко и глупо.

– Может быть. Но он так решил, Маш... Нас Славка с Максимом встретят, по домам развезут. А хочешь, я к тебе поеду? Обед на три дня приготовлю...

– Нет. Не хочу.

– А, ну ладно, как хочешь. Тем более Славка сама собиралась обо всем с тобой поговорить... Наверное, у нее лучше получится. Дочь все-таки.

Выговорившись, Вика отвернулась к стюардессе, а получив свою коробку с едой, ушла в процесс, оставив ее наконец в покое. Хотя – о каком покое может идти речь?

* * *

Славку она увидела сразу. Ее трудно было не увидеть. И не потому, что внешность у нее такая, что в глаза бросалась. Внешность – у нее как раз не такая. Уж что есть, то есть, простите за объективность. Хотя каждой матери ее дитя должно видаться самым красивым.

Нет, не во внешности было дело. Просто Славку природа наделила особым даром – создавать вокруг себя энергию концентрированно надменной неприступности. Если пробежать объективным глазом по толпе встречающих... У каждого хоть какая-то эмоция на лице поблескивает, или телодвижение беспокойное присутствует. А у Славки – нет. Стоит в толпе худенькая такая, невысокая, одета неброско, макияжа чуть-чуть, волосы в балетную фигу на затылке собраны, а кинешь взгляд – и сразу именно она в глаза бросается. Да, особая у нее стать, сплетенная из достоинства и горделивой неторопливости. Вроде того – пошли вы все на фиг со своими мелкими эмоциями. А я знаю себе цену, я не такая. У меня харизма особенная.

Сегодня, кстати, что-то новое в Славкиной харизме проклюнулось. Непривычное что-то. Ага, понятно... Агрессия

во взгляде. На губах – тщательно приклеенная улыбка по случаю, а во взгляде – агрессия. Она, родимая. Ну, ты даешь, дочь... Разве не знаешь, что твоя матушка ее величество агрессию чувствует заранее, порой с самого дальнего расстояния? Совсем небольшого количества этого яда твоей матушке достаточно, чтобы захлопнуться в своей ракушке... Ладно, ближе подойдем, посмотрим. А пока так, через стекло, радостно помахать ручкой. Когда еще чемоданы выгрузят да из зоны прилета на волю выпустят? Хотя – бесполезно махать ручками. Славка ее все равно не видит...

Вика, хлопывая себя по карманам, направилась в сторону курилки. А она, усевшись в жесткое аэропортовское кресло, продолжала разглядывать дочь.

Зря она тогда, наверное, Саше уступила... Но что было делать? Сам твердил все девять месяцев, пока она беременная ходила – мальчика хочу, мальчика хочу! Да разве можно в таком деликатном деле свои хотения программировать? Еще и имя дочери такое мальчуковое придумал – Станислава... Не надо было уступать, а назвать нормальным женским именем! Лена там или Света... Может, помягче была бы. Чуть женственнее. Хотя... Имя ей, конечно, идет. Слава, Славка. И к образу подходит. И к рисунку. И даже к харизме вместе с достоинством и горделивой неторопливостью.

Ага, и Максим здесь. Пробился через толпу, встал рядом со Славкой. Чуть наклонился вперед, заглянул в лицо, спросил что-то. А она даже бровью не повела, ответила однослож-

но.

Ей всегда было жалко Максима, когда он вот так Славке в лицо заглядывал, немного подобострастно. Нельзя, нельзя, ты ж мужик... И не самый плохой, кстати. Высокий, здоровенный, подтянутый, на холеном лице кой-какой интеллект временами высвечивается. Хотя... Чего его жалеть. Сам хомут на шею надел, значит, нравится так, с хомутом, ходить... Нет-нет, хороший зять, дай бог каждому. И Славке нравится, как он сбоку подобострастно заглядывает. А если обоим все нравится, значит, полная семейная идиллия. Ура.

– Что, твои примчались? Видишь их? – присела на соседнее кресло Вика, обдав табачищем.

– Да. Вижу. Вон, справа, рядом с колонной. Славка и Максим.

– Ну и замечательно. Пойдем, там уже лента с места сдвинулась, сейчас чемоданы поедут... Или посидишь, я и свой, и твой чемодан принесу?

– Нет, не надо, я сама.

– Ну, как хочешь...

Получили чемоданы, вышли в толпу встречающих. Макс радостно и широко улыбался, потом коротко глянул на Славку, и тут же улыбка пропала. Бедный, бедный мальчик, хороший зять. Не знает, как себя вести. Не получил от Славки достаточных инструкций, наверное. А может, наоборот, в избытке получил. И растерялся.

– Привет, мам... – коснулась ее щеки холодными губами

Славка. – Как долетели?

– Здравствуй, доченька. Все хорошо, спасибо.

Ах, какое вежливое общение, с ума сойти! Какая сердечная встреча матери и дочери! И ведь ни слова, ни вопроса лишнего... Например, где наш любимый папочка, почему не примчался в аэропорт, как это всегда бывало, почему любимую мамочку не встретил... Нет, она бы спросила, конечно, если бы Славкиной реакции не опасалась. Она вообще ее побаивалась немного, тем более сейчас, когда чуяла в дочери затаенную агрессию.

– Славка, Максик, привет, привет! – закудахтала, как насадка, Вика, хлопывая и оглаживая ребят по плечам. – Ну как вы тут, мои дорогие? Славка, а ты похудела... Что, опять на диете сидишь, поганка? И Макса, поди, одной тертой морковкой кормишь? Ругаю тебя, ругаю, а все без толку...

Ее вдруг кольнуло ревностью – со стороны именно Вика выглядела матерью, а не она. И завистью к Вике кольнуло. К этой ее радостной беззаботности. Проговаривать то, что бог на душу сей момент положил, какое же это счастье, наверное. Счастье не бояться, что упруешься лбом в дочернее раздражение.

– Ой, как вы хорошо загорели, тетя Вик! – живо откликнулась на эту чужую радость Славка. – Вам очень, очень идет!

– Да ну... Скажешь тоже! – с любовью глядя на Славку, махнула полной рукой Вика. Губы ее растянулись в улыбке. – Спасибо, конечно, на добром слове... Ты же знаешь, оно для

меня дорого стоит, особенно от тебя, моя хорошая... Спасибо, спасибо...

– Мария Сергеевна, чемодан... Чемодан давайте! – суетливо подхватился Максим. – И вы, Виктория Леонидовна...

– Я? Да не, что ты, Максик... – отодвинула его руку от чемодана Вика. – Я сама... Сейчас выйдем, частника поймаю, сговорюсь подешевле...

– Не поняла, тетя Вик? – сердито глянула на нее Славка. – Вы что, с нами не поедете?

– Да не! Да не беспокойся, Сладушка, невелика птица! Сама доберусь! Вам всем не до меня сейчас, я ж понимаю...

– Вот еще! Не выдумывайте, тетя Вик! – пробурчала Славка сердито и перевела взгляд на ее лицо, будто это она не пускала Вику в машину. И скомандовала так же сердито мужу: – Максим, бери у тети Вики чемодан, и пойдете уже, наконец! А то нас тут затолкают!

Ну да. Кто бы посмел тебя послушаться, милая доченька. Так и пошли гуськом – впереди Максим с чемоданами, за ним Славка с прилипшей к ее локтю счастливой Викой, и она чуть поодаль, на полшага от них, как неприкаянная бедная родственница. Славка оглянулась, спросила взглядом – чего отстаешь, мол? Давай, давай...

Догнала. Тоже хотела было прилипнуть к Славкиному локтю, но... Вдруг увидела, как обменялись быстрыми взглядами подруга и дочь. Будто Славка спросила Вику – ну что, как все прошло? А Вика чуть шевельнула бровями, изобра-

жив на лице бесконечную грусть – да как, мол, Славочка, сама понимаешь... Тяжело прошло. С твоей матерью вообще тяжело, не мне тебе объяснять!

Ее будто под дых ударил этот секундный диалог взглядами. Надо же, как они понимают друг друга, и слов произносить не надо. А она, выходит, в этой гармонии лишний предмет? Никчемный, тяжелый. Фу, как противно. И стыдно за саму себя. Исчезнуть хочется, провалиться сквозь землю.

А Вика, наоборот, после молчаливо секундного диалога будто встряхнулась. Подняла подбородок вверх, поджала губы, махнула едва заметно рукой – все, меня больше не касается! И без того намучилась! Теперь уж сами как-нибудь разбирайтесь со своей психованной матерью!

От аэропорта до города ехали молча. Было в этом совместном молчании что-то невыносимое, напряженное, как натянутая струна. И спина у Максима была напряженная, со взмокшей полоской, идущей от ворота рубашки вниз по позвоночнику. Бедный, бедный Максим... Вот уж кому не позавидуешь. Быть свидетелем назревающей семейной трагедии... Ведь есть трагедия-то, есть. Похоже, ни одной надежды не осталось, даже самой маленькой. Господи, да хоть бы кто-нибудь что-нибудь вякнул! Можно ведь – про погоду... Какая здесь была, какая в Испании... И Вика тоже молчит. Смотрит в окно и молчит. И лицо у нее отстраненное, почти счастливое.

Хотя наверняка это молчание никого не беспокоит. Толь-

ко она одна мучается, горше всех переживает общую неловкую паузу. И всегда первая стремится выйти из нее, найти лазейку. Всем наплевать по большому счету, а ей страшно некомфортно. Да что там, некомфортно! Если бы только – некомфортно... Такая паника изнутри поднимается суетливо болезненная!

– Как у мамы здоровье, Максим?

А что делать, не выдержала-таки, разорвала вопросом неловкое молчание. Голос получился жидкий, дребезжащий какой-то. И равнодушный по большому счету.

– Да ничего, Марь Сергевна, спасибо! – с готовностью откликнулся Максим. Видимо, ему тоже хреновато жилось в такой паузе.

– А у папы как? Ты говорил, у него на работе сокращение намечалось?

– Да не, все обошлось, Марь Сергевна. Работает.

– Ну, слава богу...

– Ага. А вы-то как отдохнули?

– Да тоже, в общем... Нормально, Максим...

Лучше бы не спрашивал. Хорошо, что свернули на Вики-ну улицу, еще пару домов проехать, и въезд во двор.

Вика открыла дверь машины, резво выскочила на свободу. Пока Максим копошился, сама выхватила из багажника чемодан, послала воздушный поцелуй Славке. А на нее даже не посмотрела. Обиделась, наверное. Гремя колесиками по асфальту, покатила чемодан к подъезду, отмахиваясь

от Максима, который без толку порывался проявить себя джентльменом.

– Ну, ты даешь! – накинулась на бедного парня Славка, когда он снова сел за руль.

– А я-то что, Слав? Ты же видишь, я предлагал помочь, а она – сама, сама! Я ж не могу с ней драться!

– Да не надо ни с кем драться! Надо просто не суетиться со своей помощью! Всегда можно подать себя спокойно, без суеты!

– Ну, вот и подавай сама себя, если умеешь... – огрызнулся Максим.

– Да, умею, – спокойно сказала Славка.

– И на здоровье, – хмыкнул Максим.

– Спасибо, – пожала плечами Славка.

Вот и хорошо. Пусть лучше слегка собачатся, чем молчат. Иначе и впрямь невыносимо. Скорей бы уж до дома доехать... Хотя нет, наоборот, домой ехать страшно. Дома Славка с ней объясняться будет. Информацию выдавать. Вон, как нервничает сильно. Хотя – почему именно дома? Можно и сейчас! Вики уже нет, а Максим – свой человек!

– Слав... Максим... Объясните мне, что все-таки произошло? – вклинилась она со своим нервным вопросом в их легкую перепалку.

И замолчали оба испуганно. Потом Славка вздохнула, покосилась на Максима, ответила нехотя:

– Погоди, мам... Давай хоть до дома доедем.

– Там, кстати, холодильник пустой... – тихо проговорил Максим. – Может, пока вы... Ну, говорите-беседуете... Я в супермаркет за продуктами сгоняю?

– Да... Да, пожалуй... – задумчиво кивнула Славка. – Довезешь нас до подъезда, затащишь чемодан и проваливай в супермаркет...

Пустая квартира встретила их настороженно, как чужая. Чистая, ни пылинки кругом, ни одной разбросанной вещи. Саша, что ли, постарался? Прежде чем уйти, квартиру до блеска вылизал? Вон, даже в мойке ни чашки, ни тарелки нет. Может, и вещи свои не взял? Рубашки там, костюмы...

Быстро прошла в спальню, открыла дверь шкафа-купе, заглянула в то отделение, где всегда висели на плечиках эти самые рубашки-костюмы. Пусто. Пусто! И в самом деле – пусто...

– Мам, мам... Ну чего ты так нервничаешь? Пойдем на кухню, сядем, поговорим... Я чай сделаю.

– Что ж, пойдем... Просто я в себя прийти не могу, Слав. Как-то это все... Как в дурном сериале. Неправильно и подло. Нереально подло.

– Ой... Ну чего сразу подло-то? Не ты первая, не ты последняя.

– Да. Может быть. Но так... Чтобы тайком... Меня отправить в отпуск, а самому...

– А было бы лучше, если бы он все это проделал при тебе? Я не уверена, что ты сидела бы, к примеру, в кресле и улыба-

лась снисходительно! Ты бы, мамочка, ему такое закатила... Такое... Да ему через тебя перешагивать у порога пришлось бы! А он бы не смог перешагнуть, ты же знаешь нашего папу! Он всегда в ступор впадает перед твоей истерикой!

– Да какой истерикой, Слав?.. Когда ты меня видела в истерике?

– А истерика истерике рознь, мамочка. По-моему, твоя тихая истерика по накалу напряжения меркнет перед самой что ни на есть бурной истерикой. Нет, я, конечно, не знаю, спорить не буду... Но ты умеешь так... Глазами, лицом, даже ровным, казалось бы, голосом такую истерику закатить... Так я не поняла, ты чай будешь? Правда, сахара нет...

– Нет. Не хочу. Ничего не хочу. погоди, Слав... А почему он на звонки мои не отвечает?

– Да все потому же, мам. Он тебя боится. Он... Он потом тебе позвонит, где-нибудь через недельку. Когда ты... Ну, все это примешь, в общем. Успокоишься.

– Через недельку?!

– Тихо, мам, тихо... Валерьянки накапать?

Славка сидела напротив, сложив красивые пальцы в замок, смотрела пристально. Надо отдать ей должное, сочувствия много в лице было. Но... Какое-то оно казенное было, это сочувствие. Обидное. Не дочернее совсем. Даже плакать не плакалось, неловко было плакать, как перед чужим человеком. А холод отчаяния уже всюю распирал нутро, горячих спасительных слез требовал.

– Не надо мне валерьянки, Слав... Ты бы лучше со мной поговорила по-человечески.

– А я что, не по-человечески?

– Нет.

– А как нужно?

– Как дочь с матерью. Ведь я твоя мама, Слава. И у меня горе. Ты же... Ты же априори на моей стороне должна быть, как дочь... А ты...

– Ой, мам, вот не понимаю я этого – дочь; априори; на одной стороне; на другой стороне! Мы на войне, что ли? Обязательно должны разбежаться по разные стороны баррикад? Тем более я не маленькая, чтобы погрязнуть в таких эмоциях, я взрослый, вполне состоявшийся человек. Я вас обоих одинаково люблю, и тебя, и папу. Я хочу, чтобы папа был счастлив, только и всего.

– А я?

– Ну... И ты тоже, естественно.

– Ты считаешь, что я после убийства должна быть счастлива? Он же убил меня, Слав. Он же знает, что я не умею жить одна. Значит, убил.

– Ой, опять твои тревожные фантазии, мам... С чего ты взяла, что не умеешь жить одна? Ты что, слепая, глухая, убогая?

– Да, Слав, да... Слепая, глухая и убогая. Только этого внешне не видно.

– Мам... Кончай, а? Ну правда, надоело... Нет, хорошую

отмазку, конечно, придумала. Не вижу, не слышу, не могу, не умею. Все это ерунда, мам. Все ты умеешь.

– Слав... Я знаю, что говорю... Мне страшно, Слав. У меня внутри дрожит все от страха, даже плакать не могу. Вот, посмотри... – Отчаянным жестом вскинула руки, вытянула их перед собой. Пальцы и впрямь ходуном ходили. И лицо дрожало, и зубы выбивали звонкую дробь.

– Ну, вижу... И что? Ты просто замерзла, мам... Говорю же, давай чаю сделаю.

– Слава, Славочка... – Уже не контролируя себя, закрыла лицо ладонями, завывала-запричитала через хлынувшие слезы. – Мне правда очень плохо, Славочка... Я не понимаю ничего, что происходит? Мне плохо и страшно, я не могу, не могу...

– Мам, прекрати. Возьми себя в руки. Пожалуйста.

– Да... Да, сейчас...

Задержала в себе воздух, стараясь унять рыдание. Бесплезная попытка, все равно рыдания вырвались наружу, еще и тело дернулось в отвратительной конвульсии. Легко сказать – прекрати... Как это прекратить, если оно неуправляемо?

Славка подскочила, ринулась к шкафчику с аптечкой, бормоча себе под нос что-то сердитое. Наверное, пузырек с валерьянкой найти не могла. Зато вскоре понесся по кухне отвратительный запах корвалола – откуда она его выкопала? У нее на корвалол вообще аллергия!

– Мам, вот! – бухнула перед ней на стол стакан с мут-

ным вонючим снадобьем. – Выпей залпом, через силу! Что-то я сплеховала с твоей реакцией-то... Не подготовилась заранее...

– Слав! Ну почему ты со мной так, а?

– Да как, мам?

– Насмешливо... Жестоко...

Славка вздохнула, опустила плечи, глядела на нее долго, молча. Потом тихо заговорила, осторожно пробираясь интонацией по словам, как сапер по минному полю:

– Нет, мам, ты не думай, что я такая уж прям... бесчувственная. Нет, я все, все понимаю... И мне тебя правда очень жалко. Но... Если я сейчас начну тебя жалеть, ты совсем расклеишься, мам! А тебе нельзя! Не требуй от меня жалости и сама себя не жале! Быстрее в себя придешь и жить начнешь, как все!

А ее уже прорвало. Мерзкое чудовище колотилось внутри, зверствовало отчаянием. Пытаясь сдержать дрожь, обхватила себя руками, задышала прерывисто.

– Ой, ну мам... Ну все, прекрати, не надо... – протянув через стол руки, принялась оглаживать ее по предплечьям Славка. – Ну, ушел, ну подумаешь, и бог с ним... Тысячи женщин через это проходят, и ничего, не умирают...

– Я... Нет... Я не смогу... Я точно знаю, что не смогу одна...

– Мам, ну хватит! Что мы об одном и том же! А еще спрашиваешь, почему папа вот так ушел! Да потому и ушел...

Разве с тобой можно нормально поговорить? Ты же никого, кроме себя, не слышишь! Для тебя же главное – это твои придуманные страхи, твоя фантазийная немоть! Выставляешь их впереди себя, как оружие! А только это не самое хорошее средство, к твоему сведению, этим около себя мужчину не удержишь... Ему не бабья немоть нужна, а наоборот, сила и ласка. И не страхи, а смелость. Такая вот обратная реакция получается... Да ты хоть знаешь, мам, к кому он ушел? Ты же меня не спросила даже!

– И... К кому?

– К Валентине.

– Кто это – Валентина?

– Ну, ты даешь... Это ж его работодательница! Ну, которую он на машине возит!

– погоди... Это что же... К Вассе Железновой?!

– Ну да... Я и забыла, что у нее такое прозвище смешное. А вообще, точно, прямо не в бровь а в глаз! Точно, Васса Железнова! Та еще бой-баба! Чего захотела, того и добилась! Бизнес расцвел, денег полно, теперь можно и замуж сходить! А для этой цели и личный шофер сгодится! А что, у нас папочка очень даже презентабельно за рулем крутой тачки смотрится...

– Слав, не надо. Прекрати. Я все поняла, не надо комментариев.

– Ну, не надо так не надо... Я просто тебя рассмешить хотела...

– Ага, спасибо. Рассмешила.

Слезы хлынули новой волной, и пришлось убежать в ванную, поскольку заверещал в прихожей дверной звонок – Максим вернулся из супермаркета. Закрыла дверь на защелку, пустила воду, принялась нервно плескать себе в лицо, захлебываясь слезами. А испуганное сознание подсовывало из памяти лицо Вассы Железновой – безликое в своей холодной надменности. Да, ни одна симпатичная эмоция не задержалась у этой бизнес-леди на лице – только калькулятор в глазах и надменность. А само лицо... Некрасивое вовсе. Колхозно-бабье.

Села на край ванны, прижав холодное полотенце к глазам, потрясла головой, изгоняя неприятный образ. Значит, Валентина, Васса Железнова. Нет, как же так... Он что, совсем с ума сошел? Ее же нельзя любить ни при каких раскладах! Она не женщина, она железный сейф с деньгами... Она его купила себе, что ли? Сашу? С его честностью и тихой молчаливой порядочностью? Нет, этого не может быть.

– Мам... Как ты там, все в порядке?

– Да, Слав...

– Тогда выходи, проводи нас.

– Да, иду.

Уже стоя в дверях, Славка внимательно взгляделась в ее лицо. Потом произнесла тихо:

– Мам, я очень часто к тебе приходить буду.

– Да ладно, не надо.

– Хм, не надо, главное. Обижаешь! Тебе и сейчас хочется, чтоб тебя пожалели, да?

– Нет, Слав. Я имею в виду – по обязанности не надо. Если только сама захочешь. У тебя и без меня дел много.

И всхлипнула прерывисто. И опустила глаза, и впрямь чувствуя себя не матерью, а обиженной девочкой.

– До свидания, Марь Сергевна... – печально проговорил Максим, стараясь не глядеть в ее сторону. – Посмотрите в холодильнике, я там накупил всего.

– А сахару забыл! – сердито повернулась к нему Славка. – Мама, между прочим, чай всегда сладкий пьет!

– Да, кстати, я мед купил! Вы пока с медом чай пейте, Марь Сергевна.

– Хорошо, Макс. Спасибо. Идите.

– Мам, точно все в порядке?

– Да, Слава, да. Пока.

– Пока...

Дверь захлопнулась. Секунда прошла, пять секунд. Тишина, противно звенящая. Показалось, и внутри что-то захлопнулось, болезненный спазм прошел по всему телу. Это чудовище пробудилось, наверное. Радует, что она осталась одна... Можно приступить к своему черному делу. Интересно, куда оно своими клыками в первую очередь вопьется? В сердце? В мозг? А может, в душу?

И сразу навалилась усталость. Добрела кое-как до кухни, села за стол, зажала уши ладонями, чтобы не слышать

эту жуткую тишину. Почему они не верят, что ей страшно? Страшно – совсем одной? Почему? Что она им сделала плохого? Ведь ничего, абсолютно ничего... Любила, как умела. Насколько силенок хватало. Она ж не виновата, что немного их, этих силенок... Нет, как там Славка давеча про Сашу сказала? Ему не бабья немощь нужна, а наоборот, сила и ласка? И не страхи нужны, а смелость? Да, все так... Но ведь не пойдешь в лавку, страхи на смелость не поменяешь. Если они с детства в тебе живут, в кровь вошли...

Стоп, стоп. А вот про это уже не надо. Даже самой себе не надо. Потому что это уже хакакири получается. Надо просто взять и убежать от тишины... Хотя бы в сон. Выпить снотворного и провалиться в сон. Хорошо, что завтра суббота...

* * *

Назойливая мелодия лезла в сон, противная такая. Откуда она взялась? Ах да, балкон на ночь оставила открытым... сосед забавляется, Вениамин Петрович, старый павиан и сладолюбивый. Дворовая тайная кличка – Венечка. Пока супружница по субботнему рынку шастает, включил диск с любимой группой. Громко включил, на всю катушку. А так бы еще спала и спала!

«...Лучшие друзья девушек это бриллианты...» – затянула свое бесконечное «а» любимая Венечкина группа. Да уж... С друзьями девушек все до боли понятно. А самый луч-

ший друг брошенных женщин кто, интересно? Снотворное феназепам?

Да, неслабое такое снотворное. Но и то до конца Венечка «подружить» с ним не дал. Можно, конечно, на балкон выйти, сказать ему пару сердито-вежливых слов. Он хоть и старый павиан, но безобидный, нахальства для ответных «сердито-вежливых» у него в заглазнике явно не найдется. Ну да ладно. В любом случае на эти «сердито-вежливые» эмоциональные резервы нужны. А их нет, резервов-то. Пусто-пусто, даже на минусе. Так пусто, что в голове звон стоит. И лучше встать с постели, если проснулась. Потому что лежать в отсутствие резервов – еще хуже. Вставай, прикидывайся живой, хоть жизнь твоя на самом деле закончилась. Но кофе-то можно попить напоследок? Черного, крепкого, с лимоном и кардамоном?

В душ не хочется. Даже умыться не хочется. Может, потом, после кофе... Жаль, курить нельзя, слабые бронхи не позволяют, сразу дыхалку перекрывают. А так бы – милое дело... Сначала сигарета, потом кофе. После кофе – опять сигарета. Потом опять кофе... Глядишь, и не до страхов бы стало. Глаза бы из орбит вылезли, и все дела. Саша придет, а она сидит за кухонным столом, глаза рядом лежат на блюде. А что, любуйся картинкой! Какая тебе разница, с глазами я или без... Все равно всегда слепая была...

Фу, придет же с утра в голову. Лучше бы умылась. А теперь уже поздно – кофейная пенка в турке зашевелилась, по-

ползла вверх. Так, где моя любимая чашка... Ага, сахара нет. Ладно, можно и без сахара. Зато лимонов – сколько угодно. Максимушка вчера постарался.

А за окном – ничего, погода хорошая. Солнышко светит, птички поют. Судя по всему, сейчас примерно половина десятого. Суббота. Никуда идти не надо. Ни к кому. И к ней никто не придет. Надо же, а раньше и не думалось об этом... В смысле – ни я к кому-то, ни кто-то ко мне. Саша по субботам всегда работал, и утренние посиделки за чашкой кофе тихим удовольствием числились. А в это утро вдруг... Ой, да отчего вдруг-то? Все ж понятно. Наверное, это первая ласточка одиночества – такая невыносимая тревожность затворничества. Здравствуй, ласточка, залетай, будь как дома, помогай менять статус затворничества. Раньше оно защищенным было, оттого и комфортным, а сейчас...

Показалось, что зазвонил телефон. Бросилась в спальню, схватила с тумбочки... Нет, не было никакого вызова. И впрямь, показалось. Наверное, уже галлюцинации начались. Ждешь звонка – и слышишь звонок. Звонок от Саши...

Тихо, тихо. Сердце-то как разбушевало. Иди обратно на кухню, садись у окна с недопитой чашкой кофе. Вот так, оплети ее пальцами... Тепленькая еще. Последняя плотская радость – тепленькое под пальцами почувствовать. И чуть-чуть расслабиться. И повестись взглядом за качающейся на ветру тополиной веткой. Оказывается, тополиные листья с изнанки чуть белесые... Не хотят, бедные, изнанку показы-

вать, а ветер их силой выворачивает. Так и в жизни человеческой происходит. Не хочешь, а наизнанку вывернешься. Вот как она сейчас. Разве это она? Нет, это изнанка, такая, как есть, мятая-перемятая, до бесчувствия перепуганная. Без мужа, без опоры, без любви.

То, что Саша ее любил, никем в их семье не подвергалось сомнению. Она привыкла, как привыкает слепой к надежному плечу поводыря. Можно и без глаз обойтись, идти и идти по одной дороге и ничего не бояться. Да, именно так, не бояться. Жить себе и жить. Ты дрожишь перед незнакомой закрытой дверью, Машенька? Ничего, Саша откроет. Боишься потерять работу, боишься безденежья в кризис? Не надо, у тебя же муж есть, он обо всем позаботится. Боишься, что у Славки пубертатный период и она попадет в плохую компанию? Ну, стоит ли нервничать, на телефоне сидеть... У Славки отец есть, слава богу. Он найдет способ ее оттуда вытащить, он же мужик... Как? Это его проблемы. Не твои, Машенька.

Да, так и получалось... Главное, большие страхи огладить и успокоить, а мелкие страхи сами пройдут. Мелкие страхи – это же так, семечки. Даже, можно сказать, удовольствие получаешь, когда их шелкаешь. Допустим, накричала начальница на работе, довела до слез. С одной стороны – плохо, конечно. А с другой... Как сладко можно вечером, за ужином, пожаловаться мужу на злую начальницу! В подробностях пожаловаться, с деталями, с описанием своих душевных тер-

заний. Он выслушает, потом обязательно нужные слова скажет. Именно те слова, от которых расслабится уздечка, стягивающая болью плечевой пояс, а еще можно сладко всплакнуть чуть-чуть... А потом сквозь слезы и посмеяться над его шуткой – вроде того, может, мне твою начальницу в угол поставить? На колени, на горох? Чтобы знала, как мою жену обижать? Да, смешно звучит, по-детски, но тем не менее ужасно приятно...

Или, например, такие страхи, как «вдруг батарею прорвет» или «стиралка сломается, когда тебя дома не будет». Саша такие страхи смешно называл виртуальными. Для них у него специальная заготовка была, называлась «уверенный строгий голос». Посмотрит в глаза и рубанет, будто некую данность в ее испуганную голову вложит. Не прорвет, Маша! Не сломается! Не думай об этом! Все будет на своих местах! Да... И впрямь ведь от уверенно строгого голоса уходили виртуальные страхи, не мучили...

В общем, жить можно было, бездумно смотря вверх. Да, именно вверх, а не на землю, боясь упасть сослепу в яму. И не по сторонам оглядываясь и заранее выставляя локти для защиты от нападения. Потому что она их вообще выставить не умеет, потому что локти намертво прижаты к бокам... Отняли у нее эту способность в детстве – локти выставить. Заставили согласиться на страшное. То бишь волю сломали, а потом вырвали с корнем. А воля – она такая штука, капризная... Второй раз не приживается, как ни ста-

райся. Вместо воли образуется болезненное пустое место...
Культияпка внутренняя, которую не видит никто.

Ой-ой, лучше не вспоминать все! Хотя – как не вспоминать-то. Даже и стараться нечего. Все равно не забудешь. Тем более... Ох-х-х...

Да, самое противное, что он ей этой ночью опять приснился. Давно не снился, а сегодня приснился. Он, кошмар по имени дядя Леша. Или папа, как он просил себя называть. Вернее, требовал... Так и помнится свое детство-отрочество в двух ипостасях – до дяди Леша и после дяди Леша. То, которое было «до», в отдельной коробочке. Оно же святое, которое было «до»... Для памяти святое. И чистое. А потом...

В том, чистом и святом, она была нормальной девочкой. Тихой, пугливой, молчаливой. Как все, в детский сад ходила, потом в школу. Помнится, соседка вздыхала с завистью: какой у тебя, Аня, ребенок, не знаешь с ним хлопот! А мама только рукой махала, сердилась и отвечала довольно странно: да какая, мол, разница, есть хлопоты или нет, все равно за подол держит! Она удивлялась, глядя на мамин подол – неправда же! И руки за спину отводила, пожимая плечиками.

Родного отца она не помнила. Иногда ей казалось, что его вообще не было. У других детей были, а у нее – нет. Тем более мама очень сердилась, когда она спрашивала про папу. А потом вдруг появился он, дядя Леша...

Поначалу все складывалось очень даже хорошо. Мама по-

хорошела, повеселела, начала по выходным пироги печь. И ее с собой приглашала, вместе пекли пирог для дяди Леша, старались, чтобы ему понравилось. Он выходил к столу, потирая руки, улыбался им обоим, подмигивал весело – ну что, девчонки, попробуем, что тут у вас получилось? Мама заливалась счастливым смехом от этих «девчонок»...

Потом, позже, став взрослой, она часто думала – как же так-то, мам... Неужели ты не замечала, как подолгу держит новоявленный папа твою дочь на коленях, как любовно оглаживает по бокам, по животу... Наверное, и впрямь не замечала. Очень хотела счастья. Именно картинки хотела – чтоб семья, чтоб ребенок, любовью обласканный. Да уж, любовью...

Ей было двенадцать лет, когда он ее изнасиловал. Очень обыденно все произошло, очень быстро. Она даже толком испугаться не успела. Нет, испуг был, конечно, только он какой-то был... ненастоящий. Как у стоматолога, когда зуб выдирают с уколом. Вроде и страшно, а ничего не чувствуешь. Сидишь в кресле, словно замороженный истукан, и кажется, что обезболивающее лекарство по мозгам растекается, и боишься пошевелиться. Наверное, в этот момент дядя Леша ее волю с корнем и вырвал. А она не почувствовала ничего. Ну, кроме физической боли и сильного отвращения. Но что такое физическая боль в сравнении с потерей воли? Ничто. А иначе как еще объяснить, что не закричала, не заплакала? Сидела потом, сложив руки на коленях, слушала, как он ей

втолковывал осторожно-ласково:

– Прости, я тебе больно сделал... Но в двенадцать лет уже все это делают, Машенька. Только все это делают с сопливymi мальчишками, а тебе повезло, у тебя все по-настоящему, по-взрослому получилось. Ты поняла меня, да?

Кивнула головой безвольно.

– Только маме ничего не говори. Она не поймет, рассердится, еще и побьет, не дай бог. Она же мама, ей так положено, чтобы сердиться. Это наша с тобой общая тайна будет. Мы же оба с тобой перед мамой виноваты, правда?

Кивок головы.

– Ну, вот... И тайна у нас общая, и вина общая. А еще мы хотим, чтобы мама нами довольна была. И счастлива. Ты же хочешь, чтобы мама была довольна и счастлива?

Кивок...

– Умница, Машенька. Правильно. Любая дочка хочет, чтобы ее мама счастлива была. Молодец... Именно так все и должно быть в хорошей семье. Именно так и бывает... Поняла? Ну, иди в ванную, тебе хорошенько помыться надо. Маме – ни звука...

Она и не издала ни звука. Только в себе замкнулась. Ходить стала осторожно, в землю смотреть. Не плакала, но и улыбаться перестала. Напряжение внутри было такое... Иногда казалось, током от страха бьет. А еще неправильной себе казалась, недостойной, стыдной. Будто она была кукла с вывернутым наизнанку поролоновым телом. Была у нее в

детстве такая кукла, Лялей звали. Соседский мальчишка ей брюхо расковырял, чтобы посмотреть, что там, внутри... А мама потом Лялю на помойку снесла.

Она очень боялась, что мама догадается. На помойку, конечно, не выставит, но... Это же будет один сплошной ужас, если мама догадается. Потому и терпела дядю Лешу еще, еще... Убеждала себя, что главное – вынести эту пытку, сцепив зубы. Это ж недолго по времени – перетерпеть, когда пытка закончится. Тем более дядя Леша и сам обещал, пытая и елозя по ее худосочному тельцу – потерпи, миленькая, я быстро... Вот так, миленькая, вот так...

Нет. Лучше не вспоминать. Только допустишь в себя малую толику того ужаса, как он разрастается внутри... Как же он запугал ее тогда! Еще неизвестно, чем бы эта история закончилась, если б однажды вечером к ним домой классная руководительница не явилась, математичка Татьяна Тарасовна, хорошенькая, только после института, с умными задумчивыми глазами. Мамы дома не было, дядя Леша ей дверь открыл...

Они потом сидели на кухне, беседовали. А ее, естественно, не пустили, из педагогических соображений, наверное. Но она все слышала, сидя, как мышка, в своей комнате.

– Понимаете, меня очень беспокоит ваша девочка, – деликатно понижала голос почти до шепота Татьяна Тарасовна. – Я бы хотела с вами поговорить, так сказать, приватно. Ну, чтобы в школу не вызывать, чтобы не при всех...

– Да, понимаю, – ровным задушевым голосом вторил ей дядя Леша. – И чем же она, позвольте, вас беспокоит?

– Ну... Она какая-то странная стала в последнее время. Вялая, невнимательная. Но внутри, мне кажется, страшно напряженная! Может, у вас в семье что-то происходит? Ведь вы же отчим, да?

– Да. Отчим. Но я...

– Нет, вы простите, конечно, что я так бесцеремонно спрашиваю. Но... Согласитесь, в таких семьях всякое бывает. Раньше Машенька с мамой жила, привыкла, а потом вы появились... Может, Машенька маму к вам ревнует и оттого страдает?

– Да нет, ничего такого у нас не происходит. Живем, дай бог каждому. И ребенка любим, как умеем. Наверное, вам показалось...

– Нет, не показалось. Я же вижу. Она другая стала, она боится всего. Боится дружить, боится отвечать на уроках, вздрагивает, когда ее окликнут. А когда к доске вызывают, как на голгофу идет, честное слово! Встанет, скукожится и двух слов связать не может. Она и раньше, конечно, не из бойких была, но тут... Такие перемены...

– Ну, я не знаю, что вам и сказать. Может, это у нее от природной стеснительности? Вообще-то она у нас скромная девочка. А может, возрастное... Девчонки, когда подрастают, обычно начинают страдать всякими комплексами.

– Вы думаете?

– Ну да... Но в любом случае – большое вам спасибо. Мы с женой обязательно это обсудим. Мы ж не знали, что она в школе такая. Дома-то абсолютно нормальная. Спасибо вам, Татьяна Тарасовна. Все бы учителя такими добросовестными были, как вы.

– Ой, ну что вы... Это же моя работа, мой долг! Давайте лучше так договоримся... Вы ее дома еще понаблюдаете, а я психологу школьному покажу. К нам скоро нештатный психолог раз в две недели по договору приходить будет. Хорошо?

– Да. Да, конечно. Еще раз вам спасибо.

Татьяна Тарасовна ушла, а дядя Леша засуетился. Нет, не по комнате начал бегать, он по-другому засуетился. Страхом. Она это своим страхом почувствовала. Наверное, всегда так и бывает. Достоинство чувствует другое достоинство, любовь чувствует любовь, а страх чувствует страх. Потянула носом – запахло сигаретным дымом из кухни. Ага, закурил! Он полгода не курил. Мама просила, он и бросил. Очень мама гордилась этим обстоятельством, всем напропалую хвасталась.

Потом она стала невольным свидетелем другого разговора, уже дяди Леша с мамой. Можно сказать, не сходя с места, этим же вечером. Мама пришла веселая, кудрявая, только-только из парикмахерской, с задорными химическими кудряшками на голове. Тряхнула ими кокетливо:

– Леш, мне идет? Ну же, посмотри на меня, Леш!

– Послушай, Ань... Нам серьезно поговорить надо. Терпел, терпел, не могу больше... Совесть замучила.

– А что такое, Леш?

У нее екнуло сердце, душа оборвалась страхом. Неужели... он сейчас все ей расскажет?! Даже оглохла на секунду, голову в плечи вжала.

– Понимаешь, не получится у нас с тобой ничего, Ань. Жалко, конечно, но ничего не поделаешь.

– Да почему?! Почему, Леш? Ты что, любимый мой, родной, не пугай меня...

– Да постой, Ань... Не лезь с поцелуями. Давай по порядку разберемся. Сядь, послушай!

– Слушаю, любимый...

– В общем... Черт, даже не знаю, с чего начать! Давай начнем с того, что в первую очередь ты мать, ведь так?

– Ну... И что?

– А это значит, в первую очередь должна о своем ребенке думать, ведь так?

– Да при чем здесь...

– При том, Аня, при том! Ты что, не видишь, что Машенька не принимает меня? Какая она в последнее время ходит, ты видишь? Вялая, невнимательная, а внутри страшно напряженная. Я уж и так и сяк... Нет, не принимает. Она ревнует тебя ко мне, Ань... Ты же ей мать, самый близкий человек. Нельзя ребенку психику ломать, не дело это. Представляешь, что из нее тогда вырастет?

– Леш... Да ты что такое говоришь, Леш... Да как тебе в голову пришло, глупости такие...

– Все, Ань! Я знаю, что говорю, не хочу брать греха на душу! Вот и учительница говорит, что это от ревности... Жалко, Ань, но что сделаешь. Не судьба, видно.

– Леш, да ты что... Да я... Да я вмиг ее заставлю! Да она у меня... Где она? Дома? Да она у меня по струночке, по одной половичке...

– Стой, погоди! Уймись, Аня! Понимаешь, именно этого я и боюсь. Не надо ее заставлять, ломать не надо. У тебя же одна дочь, другой не будет. Это мужиков может быть сколько угодно. И все, Аня, не плачь! Не люблю я этого! Лучше вещи мои собери! Сама!

– Не-ет...

Дядя Леша снова ответил что-то – она не разобрала. Тихо ответил, злобно. Слышно было, как мама сначала ойкнула испуганно, потом заплакала, будто заскулила. А потом начала вещи собирать. Так и скулила, пока все в чемодан не собрала. Дядя Леша к ней даже попрощаться не зашел... И на том спасибо, а то бы она не выдержала, тоже от напряжения скулить начала бы. Тем более что она еще и описалась тогда, сидя на стуле... Даже сама не поняла, как это случилось. От страха, что он зайдет, наверное.

Мама, как и следовало ожидать, ей не простила. Нет, не ругалась, просто появилась в ее голосе после ухода дяди Леша особенная какая-то нотка, раздраженно-досадливая. И

во взгляде тоже. И все время хотелось руками закрыться от взгляда, от голоса. Сгинуть. Исчезнуть навсегда. А однажды она слышала, как мама жаловалась на кухне соседке тете Лиде, зашедшей «раздавить» на двоих воскресную бутылку красненького:

– Еще ведь хотела аборт сделать, понимаешь, Лид. Тихоня тихоней, а все по-своему постановила, эгоистка. Думаешь, я от нее в старости стакана воды дождусь? Ага, щас. Всю жизнь мою сожрет, не подавится. И мой последний стакан сама выпьет. Волчонок...

– Да не, Ань, зря ты так, – увещевала маму умная и добрая тетя Лида. – Маруся у тебя славная девчонка, только немного нервная. А что молчит все время и волчонком выглядывает... Так она скорее на зайчонка похожа, Ань, чем на волчонка. Вот, ей-богу, уж не наговаривай на девку-то. Ты бы ее лучше врачам показала, психологам там всяким.

– Так уж показывали ее в школе психологу, хватит.

– И что?

– Ну... Дали бумагу, написали ерунды всякой. Я уж не помню сейчас, названия все какие-то мудреные. Да и не верю я... Нас вон никто в детстве по психологам не таскал, и ничего, выросли, живы-здоровы, тянем свой воз. Я думаю, это в ней отцовские гены сидят, малахольные. Он мне, помню, тоже про свои первородные страхи толковал, про тонкую ранимую психику... Однако ж не остановила его психика-то, подлеца! Маруся еще и родиться не успела, как он сбежал!

Да ну его, и вспоминать не желаю...

С годами она привыкла к себе, научилась лавировать в предложенных жизненных обстоятельствах. Определять инстинктивно, как больная кошка – здесь выживу, здесь не выживу. Например, если после школы в родном городе останусь, рядом с мамой, в одной квартире, точно не выживу... Хотя и страшно, а надо в другой город ехать, в институт поступать. Впрочем, мама и не против была такого ее решения.

– Давай, давай. Не пропадать же твоему пятерочному аттестату. Может, выползешь из-под материнской-то юбки, самостоятельно жить научишься. Чего опять волчонком глядишь? Мало для тебя мать сделала, да?

– Я нормально на тебя смотрю, мам. Тебе показалось.

– Да я что, не вижу? Другая бы мать в душу лезла или домашней работой по уши загрузила, а я... Сидишь в своей комнате, доченька, и сиди, занимайся уроками, книжки читай. Один бог знает, что у тебя на уме-то, молчунья чертова... Скукожится вечно, зажмется, как в узелок свернется, смотреть тошно. Кто тебя только замуж возьмет, малахольную такую. И не вздумай мне в подоле принести, не приму! С мужем приму, а так – нет, запомни!

С таким наказом и уехала. Поступила в политехнический, на экономический факультет. Конкурс был огромный, но сама для себя пути отступления не видела – не возвращаться же к маме обратно. Уж чего-чего, а испуганного и терпеливого целеполагания в ней образовалось более чем достаточ-

но. Видимо, оно играло роль плетки – надо же было дальше идти, жить как-то... Вернее, бежать, не оглядываясь.

Поселилась в общежитие – пять девчонок в комнате. Дедовщина, как в армии, если по большому гамбургскому счету, то есть «упал, отжался», только в духовном смысле. Ботаницы и тихушницы по углам жмутся, а кто понаглее да посмелее, тот и понукает весело. И это еще поспорить можно, какое «упал, отжался» легче перенести – духовное или физическое. Особенно если у тебя вместо воли – пустое место. И все кругом над твоей душенькой – начальники. Кто сердитый, кто обидчивый, а кто просто злой, от каждого своя плетка прилететь может. Дрыгаешься, трепещешь крылышками, поднявшись над своим же безволием, висишь, балансируешь, как можешь. Нельзя же показать, что ты уродец, не такая, как все! И в ужасе ждешь, когда силы закончатся.

В этот момент в ее жизни и появился Саша, курсант Высшего военного артиллерийского училища. Одно название как звучит – помереть можно! Их, курсантов, однажды целую ораву к ним в общежитие занесло – кто-то из девчонок с прогулки привел. Правда, курсант Саша не очень званию артиллериста соответствовал – хлипковат был по фактуре будущий лейтенантик, бледен и худосочен, будто его недокормили в детстве. Из других опознавательных признаков имел чубчик надо лбом жиденький и белесый, голубые грустные глаза-блюдца и длинную цыплячью шею с острым кадыком, по которой этот кадык перемещался туда-сюда, причем ча-

ще, чем надо, от излишнего волнения. В общем, никаких особых достоинств в нем как бы и не было. Никто из девочек на него глаз не положил. А она, нечаянно оказавшись с ним рядом, вдруг вдохнула всей грудью – легко, свободно... Впервые за много лет! Ей было хорошо, она его не боялась! Тем более он так на нее смотрел... Будто она самая настоящая была. Смелая и достойная девушка. В которую (о, страшно сказать!) вполне себе можно влюбиться...

Да, он влюбился. Все было у них по-настоящему, неспешно, красиво, без суеты. Прогулки в увольнительную, закат на набережной, кафе-мороженое, долгие разговоры с постепенным расколупыванием душевных скорлупок.

Так получилось, что Саша рассказал ей про себя все. Хотя никакой особой тайны в его рассказе не было. Наоборот, все было грустно и печально до тяжелого вздоха. Ну что там? С малых лет сирота. Воспитывался сначала у тетки, потом она его в Суворовское училище по благу пристроила, дабы не тратиться на питание и одежду. Да и перед глазами чтоб не мелькал, и без подкидыша жизнь трудная. Потом – училище. В каникулы даже в отпуск поехать не к кому, тетка сердитое письмо написала – по детдомам не мыкался, и спасибо скажи. А дальше уж сам, живи, как хочешь, характер воспитывай. Мужик, чай, военный будущий, и без родственников целований обойдешься. Саша, когда ей это рассказывал, делал до ужаса смешливые глаза, вроде того – чего с тетки возьмешь... Она такая, грубоватая малость. Но если таки заявит-

ся, не прогонит, конечно. Ты не думай о ней плохо, Маш...

Она о его тетке и не думала. Она о нем думала. И о себе. О том, что никогда и ни за что не сумела бы рассказать о себе так, до конца, до самого доньшка. Расколупать самую прочную скорлупку, открыть свой позор, свою тайну. Ни за что и никогда. Никому. Даже Саше. Даже после четырех лет нежно взаимного чувства и полного друг другу доверия и душевного проникновения. Пусть доверие будет во всем исключительно, но только не в этом. Даже после предложения руки и сердца, которое совпало, как и полагается, с окончанием артиллерийского училища и распределением на Дальний Восток. Нет, никогда, никогда! Это в ней умрет вместе с ней, и точка. Хотя сама себя много раз спрашивала – почему? Ведь легче бы стало, дурочка. Но через «почему» так и не смогла прорваться, все равно бы духу не хватило. А потом как-то привыкло, и без мучительных откровений срослось.

Однокашницы приняли новость о предстоящем замужестве с «тем самым» курсантиком довольно прохладно. Но Ирка Потапова, к окончанию института растерявшая всех потенциальных женихов, злобствовала:

– Машк, это что, я не понимаю? Попытка социализироваться через замужество? Это ж как надо испугаться в девках остаться, чтобы... Чего ты боишься, Машк? Думаешь, лучше себе не найдешь? Лучше абы с кем, чем не замужем?

– Да отстань ты от нее, Ирк! – вступилась, не выдержав гневного Иркиного напора, добрая душа Наташа Соломати-

на. – Тебе-то какое дело? Если он Машке нравится?

– Нравится?! Нет, а ты его помнишь, этого лейтенантика? Я, к примеру, вообще не помню. Что-то белобрысое, к стене поставь, мимо пройдешь и не заметишь. Зачем это Машке, не понимаю? Ладно бы страшная была, а то ведь хорошенькая, и при фигурке, и при всех остальных делах! Да мне бы такую фигурку... Уж я бы развернулась по полной программе! Нет, жалко же, а? Одним дают, они пользоваться не умеют. А кто умеет, тому не дают... Зачем тебе этот замухрышка, Машка?

– Ир... А ты этого замухрышку давно видела? – со вздохом покрутила Наташа в пальцах рейсфедер, которым выщипывала брови. – Нет, скажи, давно?

– Да с тех пор, как он здесь был, и не видела. А что?

– А то... Если не видела, то и не нападай на Машку зря. Дело в том, что... Как это говорят? За время пути собачка могла подрасти... Видела я эту парочку недавно на набережной. Он, между прочим, вполне... Таким справненьким стал... Четыре года назад мальчонка мальчонкой был, а сейчас, поди ж ты! Я даже позавидовала Машке.

– Ой, да чему завидовать-то? По гарнизонам всю жизнь таскаться.

– Ну, знаешь. Пусть и таскаться, зато с мужем. Военные, между прочим, очень хорошие мужья. Верные, надежные.

– Тоже, нашла достоинство. Уж чему-чему завидовать...

– Завидовать, Ир, надо не чему-то и кому-то. Завидовать

надо молча. А ты чего-то разговорилась на Машкин счет, слушать уже надоело.

Ирка фыркнула, дернула плечом. А Наташа еще и добавила, пристраивая к глазам маленькое зеркало и снова нацеливаясь на высоко поднятую бровь рейсфедером:

– Тем более я ничего не вижу плохого в Машкиной попытке социализироваться. Ей-то как раз надо, иначе пропадет, и два шага после института не сделает. Нет, Машка, через замужество – это самое то. А те, которые не согласные, пусть лесом идут, на зеленый виноград тьявкают. Прости, Ирка, ничего личного.

Мама, кстати, тоже особо ее выбор не одобрила. Когда они с Сашей затеялись с походом в загс, потом с посиделками в дешевом кафе, она вообще предложила маму не звать, но Саша вдруг настоял. Глянул на нее удивленно, произнес тихо – ты что, Маш, это же мама. Чего с него возьмешь, сирота.

Мама просидела все торжество молча, поджав губы. Саша очень переживал, что не понравился теще. Все пытался ей объяснить, что у него нет никого из родных, а тетя не может приехать, потому что занята очень. Она сидела, страдала молча, дергала его за рукав – брось, не приставай к ней. Сидит и сидит, пусть сидит. Погоди, как заговорит, мало не покажется.

Мама действительно с ним поговорила – потом. Настоящий допрос устроила, проверку на вшивость. И кивнула удовлетворенно:

– Ладно, что ж... Военный – это ничего, это хорошо даже. Порядок в доме, дисциплина. Опять же начальству пожаловаться можно, если налево пойдет. Ладно, живите. Все равно Машка лучше бы себе не нашла, с ее-то характером. Ты ее почаще вожжой-то под зад подхлестывай, Саш. Иначе на шею сядет и ножки свесит, я ее знаю.

– Это вы что имеете в виду, Анна Семеновна? Вы мне советуете Машу... бить, что ли?

– Да не, я это так, образно про вожжу сказала... Не бить, а тормошить маленько. Она ж это... Того... С детства чокнутая немного. С диагнозами. Я тебе даже бумагу привезла, которую школьный психолог написал, где-то она у меня в сумочке... Чтоб ты видел, как говорится, шо очи куповалы, да чтобы претензий ко мне потом не было...

Она незаметно сжала Сашину ладонь трясущимися от гнева и страха пальцами – прошу тебя, не разговаривай с ней больше... Саша глянул ей в лицо, сжал пальцы в ответ, подобрался весь, как перед прыжком в воду. И ответил теще довольно холодно, напрочь забыв о желании понравиться:

– Не ищите бумагу, не надо, Анна Семеновна. Я вашу дочь без бумаги люблю, просто так. И она меня тоже любит. Нам этого хватит, не надо...

– Ну, ладно, коли так. Смотри, не жалуйся мне потом.

– Не буду.

Мама уехала, а она потом проплакала целый день. Саша был рядом, обнимал, прижимал горячие губы к виску, к за-

тылку. Жалел, понимал, сочувствовал. Хорошо хоть не говорил ничего. Иногда руки, жесты, молчание бывают красноречивее слов. Сидишь в них, как в теплой ванне, отмокаешь, в себя приходишь.

Саша уехал в далекий Уссурийск к месту службы, она осталась пятый курс домучивать, беременная уже. Письма ему писала каждый день. Жаловалась. Тошнит, голова болит, спать все время хочется, а надо над кульманом стоять, дипломные чертежи делать. Трудно, однако. От него тоже приходили письма каждый день... Беспокойные, нервные, на пяти страницах. Полные обязательных «не» – не ходи без шапки, не простужайся, не плачь, не уставай сильно, не отказывай себе, не жалея денег на продукты, еще пришло... Девчонки читали эти письма, как поэму. Вроде подсмеивались, а на самом деле одобряли такую заботу. Еще бы не одобряли – Сашины переводы ждали, как манну небесную, продукты покупались на всю ораву... Она сама так решила, хотя могла бы и молчать относительно переводов. Но дедовщина же, что с нее возьмешь! Тем более она теперь в этом процессе не последний душок, а самый что ни на есть дембелюга...

Славку она родила уже в Уссурийске. В принципе ей нравилось жить в военном городке, чего там не жить-то? Квартира есть, еда в холодильнике есть, телевизор цветной купили, Славка растет здоровенькая. Все хорошо, тревожиться не о чем. И бояться нечего. И общаться ни с кем особо не надо, что тоже в принципе замечательно. Тем более все

кругом шапочно незнакомые... И вообще, нет ничего лучше, чем сидеть на скамеечке в парке, одной рукой коляску покачивать, другой – книжку листать. Никаких стрессов, живи – не хочу. Лишь бы мама не надумала приехать, на внучку посмотреть. Вроде грозилась. Лучше ей фотографии по почте послать, может, передумает.

Спокойная жизнь закончилась после юбилея Сашиного начальника, полковника Деревянко. Черт их понес на этот юбилей! И Славку не с кем было оставить... Но и не пойти нельзя было, это ж гарнизонная жизнь, там свои законы приличия. Обязательно надо было Саше пойти, чтоб непременно с женой, чин чином уважение оказать. Оставили Славку соседям, собрались... Она накрутилась, волосы красиво уложила, новое платье надела. Старалась. Даже сама себе в зеркале понравилась. Эх, да если бы знала, как оно все выйдет! Наоборот бы, ничего такого...

Само торжество прошло нормально, в рамках допустимых приличий. Офицерские жены ее разглядывали с пристрастием, она улыбалась всем подряд, и знакомым, и незнакомым. И танцевала, когда приглашали. И песни общие пела. Вернее, старательно раскрывала рот, изображала душевное выражение лица – «...ой цветет калина в поле у ручья...».

Сам юбиляр, полковник Деревянко, ее три раза на танец пригласил. Сопел в ухо, заплетающимся языком комплименты наворачивал – она терпела, улыбалась. Если надо, значит, надо. Все-таки Сашин начальник.

А на следующий день, когда Саша на дальние учения уехал, полковник Дервянко к ней пришел. Позвонил требовательно в квартиру, она открыла, уставилась на него испуганно. Думала, с Сашей что-то случилось.

Он ничего объяснять не стал, схватил сразу, поволок в спальню. И опять она ничего не чувствовала, кроме ужаса и тошнотного духа перегара. Застыла, онемела, скукожилась. Казалось, не вдохнула и не выдохнула ни разу за все время зверского действия. Да, не закричала. Да, не оттолкнула. Не могла. Не могла, черт бы ее побрал, не могла! Как тогда, с дядей Лешей! Но тогда ведь ребенком она была... Выходит, так и не повзрослела, тем же ребенком осталась. Безвольным, перепуганным ничтожеством. И Сашина любовь не спасла, не придала внутренней силы, не оживила убитую волю. А Дервянко, сделав свое дело, поднялся на ноги и пробурчал, застегивая ширинку:

– Не баба, бревно... Странно, вроде и красивая ты, а бревно. Бывает же.

Потом долго мылась под душем, тряслась, плакала навзрыд. Очнулась, когда услышала сквозь шум воды – Славка в комнате плачет. Так и помчалась к ней, голая, мокрая, оскальзываясь на линолеуме. Надо было скрепиться, взять себя в руки, не пугать же ребенка.

И ладно, если бы на этом история закончилась. Так ведь нет. Гарнизонный городок маленький, кто-то увидел, как Дервянко к ней пьяный шел. И как в квартиру заходил, виде-

ли. Жена полковника узнала, пригрозила скандал поднять. Саша ходил весь черный, молчал, ничего у нее не спрашивал. Она тоже молчала, глядела на него с виноватым отчаянием, плакала целыми днями. Что она могла ему объяснить? Что? Если начинать объяснять, то и про дядю Лешу надо рассказывать. А она не могла. Не могла, и все. У каждого человека внутри есть хотя бы одна черная дыра, которая словесному описанию не поддается. Ну, может, не у каждого, но у многих. Нет, про дядю Лешу не узнает ни одна живая душа. Никогда. Ни за что. И делайте с ней, что хотите... Обвиняйте, презирайте, гоните от себя. Даже странно ей было что Саша до сих пор не прогнал... Наверное, считал, что она ему изменила. Глупый.

Все кончилось тем, что Саше пришлось написать рапорт. Пришел домой, устало опустился на кухонный табурет, коротко дал указание:

– Собирайся, Маш. Мы уезжаем. Квартиру надо сдать в двадцать четыре часа.

– А куда? Куда мы уезжаем-то, Саш?

– Пока к твоей маме. Куда мы с ребенком? Все равно больше некуда.

Собрались в один день. Соседи купили холодильник, телевизор, новенький спальный гарнитур. Можно было, конечно, багажом отправить, да на все время нужно. А времени у них не было. Торопились, будто бежали от войны.

Приехали к маме без звонков, без телеграмм, свалились

как снег на голову. Сначала она обрадовалась, конечно. Думала, в отпуск, в гости... Со Славкой нянькалась, по соседям с ней пошла, хвасталась внучкой. Славка в младенчестве хорошенькая была, черноглазая, кудрявая, вся в перевязочках. А потом, когда узнала, что они вовсе не в отпуск... День молчала, второй молчала, потом накинулась на Сашу с претензиями:

– Ну, и что теперь? Вот с каких хренов ты рапорт решил написать, скажи? Трудно ему в армии, надо же... А кому сейчас не трудно? Вот кто ты теперь есть, скажи мне? Кто таков по профессии? Как будешь семью кормить?

– Не знаю. Со временем как-то буду. У меня права есть, водителем работать пойду.

– Ой, шибко хорошая профессия, баранку крутить! Всю жизнь мечтала свою девку за работягу замуж выдать, ага. Для этого я ее растила, что ли? Ночи не спала, во всем себе отказывала? А жить вы где собираетесь, интересно?

– Пока у вас. Нам с ребенком больше некуда. Но вы не беспокойтесь, мы ненадолго. Как только на работу устроюсь, квартиру снимем.

– А потом? Так и будете всю жизнь по съемным квартирам шляться?

– Нет. Потом в кооператив вступим.

– Ага... Планы у тебя, смотрю, наполеоновские. Ни гроша за душой, ни родственников, чтобы помочь могли. Ты ж сирота кругом! А туда же, в кооператив.

– Да, Анна Семеновна, именно так. При моих сиротских обстоятельствах других планов, кроме наполеоновских, и быть не должно. Ничего, справимся.

Саша нашел работу уже на другой день – водителем служебной машины. Возил начальника строительного треста, уходил из дома в шесть утра, приходил ближе к ночи. А иногда и ночами пропадал. Начальник свойским мужиком оказался, вошел в положение, разрешал на служебной машине иногда и подхалтурить. А в основном сам, конечно, норовил ее под личные нужды использовать – то на рыбалку, то к любовнице в другой город рвануть. Зато наряды потом закрывал щедро, зарплата на круг выходила солидная.

Мама их на съемную квартиру не отпустила. Сказала – смысла нет, чего зря деньги транжирить. Лучше и впрямь – на первый взнос подкопить, если так споро дело пошло. А потом вдруг болеть начала, свернуло ее как-то разом. Легла в больницу на обследование, через неделю домой выписалась с заключением на руках – онкология в четвертой стадии, неизлечима и неоперабельна. Лежи, умирай.

Умирала мама, если можно так выразиться, очень достойно. Глядела на нее провалами глаз, виновато улыбалась сухими губами. Весь обиход принимала с благодарностью. Ни на минуту не впала в панику, в истерику, в каприз, вполне объяснимый. Лишь ночами стонала глухо, скребла ногтями по стене, сдирая обои. Она вставала, подходила к ней, садилась, брала за руку:

– Мам... Может, укол? Давай я Надю позову...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.